

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ В ЕГО СТРУКТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б)

Тимофей Николаевич Раков

независимый исследователь

Санкт-Петербург, Россия

timofey.rakov@gmail.com

А н н о т а ц и я : В статье анализируется роль регулирования времени в партии большевиков в 1920-е гг. Автор выдвигает предположение, что наряду с регулированием времени в рамках мер по рационализации труда большевики должны были перенести подобные меры и на собственную партию. Контроль над временем в партии анализируется в трех аспектах: «бюджет времени» рядового партийца, время в рамках партийных собраний и его влияние на внутрипартийные дискуссии, репрезентации партийных дебатов через время. Регулирование времени в рамках дискуссий рассматривается как политическая практика большевиков, т.е. как определенные действия, имеющие своей целью воплощение некоторой идеологии. Подобный подход, отсылающий к идее Луи Альтюссера о соотношении практик и идеологий, предполагает рассмотрение практики на уровне локальной партийной организации, в данном случае ленинградской (до 1924 г. — петроградской). В качестве основных источников используются протоколы и стенограммы партийных собраний и конференций, протоколы Ленинградской губернской контрольной комиссии, анкеты по обследованию загруженности членов партии, а также газетные публикации, посвященные дискуссионным собраниям. Проведенный в статье анализ позволяет заключить, что регулирование времени в ходе политических процессов в 1920-е гг. было серьезной проблемой для партийных руководителей и они не смогли (по крайней мере к середине рассматриваемого десятилетия) полностью взять под контроль время рядовых членов партии и его организацию в рамках партийных собраний и конференций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : время, практики, большевизм, партийное собрание, дискуссии, Ленинград.

Д л я с с ы л о к : Раков Т. Большевистское партийное собрание и регулирование времени в его структуре: на примере Ленинградской организации РКП(б) // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 55–71.

d o i : 10.31250/1815-8870-2019-15-41-55-71

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/rakov.pdf>

**THE BOLSHEVIK PARTY MEETING
AND THE REGULATION OF TIME IN ITS STRUCTURE:
EVIDENCE FROM THE LENINGRAD
RCP(b) ORGANISATION**

Timofey Rakov

Independent researcher

St Petersburg, Russia

timofey.rakov@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the analysis of the role of time regulation in the Bolshevik party in the 1920s. It is suggested that — along with the regulation of time during the campaign to rationalize labor — the Bolsheviks should have transferred such measures to their own party. Time control in the party is analyzed in three aspects: the “time budget” of an ordinary party member, time within party meetings and its influence on internal party discussions, and the representation of party debates over time. The regulation of time within the framework of discussions is treated as a political practice of the Bolsheviks, i.e. as certain actions that have their goal in the incarnation of a certain ideology. Such an approach, pointing to Louis Althusser’s thoughts on the correlation of practices and ideologies, suggests considering the practice at the level of the local party organization; the Leningrad branch, in this case. The main sources used in the article are the protocols and transcripts of the party meetings and conferences, the protocols of the Leningrad Provincial Control Commission, questionnaires on the survey of assignments of the party members, as well as newspaper publications on discussion meetings. The analysis conducted in the article makes it possible to suggest that the regulation of time during the political processes of the 1920s was a significant problem for party leaders. The party leaders struggled to completely control the time of the party members and its organization within party meetings and conferences — at least until the middle of the decade in question.

Keywords: time, practices, Bolshevism, party meeting, discussions, Leningrad.

To cite: Rakov T., ‘Bolshevistskoe partiynoe sobranie i regulirovanie vremeni v ego strukture: na primere Leningradskoy organizatsii RKP(b)’ [The Bolshevik Party Meeting and the Regulation of Time in Its Structure: Evidence from the Leningrad RCP(b) Organisation], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 41, pp. 55–71.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-55-71

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/rakov.pdf>

Тимофей Раков

Большевистское партийное собрание и регулирование времени в его структуре: на примере Ленинградской организации РКП(б)

В статье анализируется роль регулирования времени в партии большевиков в 1920-е гг. Автор выдвигает предположение, что наряду с регулированием времени в рамках мер по рационализации труда большевики должны были перенести подобные меры и на собственную партию. Контроль над временем в партии анализируется в трех аспектах: «бюджет времени» рядового партийца, время в рамках партийных собраний и его влияние на внутрипартийные дискуссии, репрезентации партийных дебатов через время. Регулирование времени в рамках дискуссий рассматривается как политическая практика большевиков, т.е. как определенные действия, имеющие своей целью воплощение некоторой идеологии. Подобный подход, отсылающий к идее Луи Альтюссера о соотношении практик и идеологий, предполагает рассмотрение практики на уровне локальной партийной организации, в данном случае ленинградской (до 1924 г. — петроградской). В качестве основных источников используются протоколы и стенограммы партийных собраний и конференций, протоколы Ленинградской губернской контрольной комиссии, анкеты по обследованию загруженности членов партии, а также газетные публикации, посвященные дискуссионным собраниям. Проведенный в статье анализ позволяет заключить, что регулирование времени в ходе политических процессов в 1920-е гг. было серьезной проблемой для партийных руководителей и они не смогли (по крайней мере к середине рассматриваемого десятилетия) полностью взять под контроль время рядовых членов партии и его организацию в рамках партийных собраний и конференций.

Ключевые слова: время, практики, большевизм, партийное собрание, дискуссии, Ленинград.

Практически каждое политическое действие, не только партийное собрание, происходит во времени и требует определенного управления этим временем. В 1920-е гг. большевики много дискутировали о характере советского общества, социализма, месте и роли партии в этих структурах. Контроль и распределение времени являлись частью больших социальных процессов, таких как индустриализация, но управление временем осуществлялось и на микроуровне. Материалы политических дебатов предоставляют возможность проанализировать малоизученный процесс — контроль времени внутри самой Коммунистической партии на уровне повседневных политических практик.

Идея о том, что время можно воспринимать и переживать по-разному и что оно может быть объектом исследования, стимулировало появление ряда антропологических, философских и исторических работ, посвященных этому предмету. Стоит особо отметить статью Э.П. Томпсона, который исследовал

Тимофей Николаевич Раков
независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
timofey.rakov@gmail.com

связь развивающегося индустриального капитализма в Англии XIX в. и появление современного рабочего дня, а также изменение отношения ко времени и труду среди пролетариата [Thompson 1967: 56–97]. Работа Томпсона оказалась столь влиятельной, что вслед за ней появился целый ряд исследований, в которых изучались взаимоотношения между индустрией, трудом и временем [Harrison 1986: 134–168; Smith 1986: 165–197; Smith 1996: 142–168; Gay 2003: 107–140]. Но перестало ли время меняться после утверждения капитализма? При капитализме время стало важным ресурсом, однако изменилось ли обладание им в социалистических обществах? Если при капитализме угнетенные классы не могли вполне владеть временем как ресурсом, то при социализме овладение средствами производства должно было подразумевать и овладение временем со стороны прежде угнетенных социальных групп. Тем не менее ряд исследователей полагают, что время и в социалистических обществах осталось важным средством контроля над людьми. К. Вердери в своей монографии о социалистической Румынии показывает, как происходил процесс «огосударствления» времени в 1980-е гг. [Verderi 1996]. Характер производства в социалистических странах, при котором государство играло решающую роль в экономике, влияло и на характер управления временем.

Управление временем в политических целях стало предметом внимания авторов специализированного антропологического сборника “The Politics of Time” [Rutz 1992]. Представленные в нем исследования касаются разнообразных кейсов, однако сама идея о том, что время является важным инструментом контроля над индивидами, кажется релевантной и для настоящей статьи. Как полагает один из авторов этого сборника, Р. Ротенберг, разные общества по-разному используют время как ресурс и способ контроля над населением [Rotenberg 1992], поэтому представляется оправданным распространить эту идею и на большевистский способ контроля над временем.

Внимание ко времени как ресурсу было весьма характерной чертой пореволюционной России. Советские социологи, общественные и партийные активисты этого периода были увлечены идеей рационализации времени. Тщательные подсчеты бюджетов времени рабочего и крестьянина, предпринятые С.Г. Струмилиным [Струмилин 1924], возникновение общественного движения «Лига Время» и публицистическая активность его членов, попытка введения непрерывной рабочей недели — только некоторые из наиболее известных примеров обеспокоенности контролем над временем в советском обществе. Данный аспект контроля времени хорошо представлен в исследовательской литературе, анализирующей или историю

«бюджетов времени» в контексте советской социологии [Zuzanek 1980; Артемов, Новохацкая 2008: 92–104], или же непосредственное распределение этих бюджетов внутри отдельных социальных групп [Рожков 2014: 279–289]. Ряд историков обратились к другому известному сюжету — эсхатологическому восприятию времени в 1920-е и 1930-е гг. [Williams 1995: 364–401; Halfin 2009].

Вместе с тем повседневное распределение времени внутри такого важного института советского общества, как партия, остается до сих пор малоизученным. Все ли коммунисты следовали рационализаторским установкам идеологов «Лиги Времени» или были увлечены тейлоризмом вслед за В.И. Лениным? Мне представляется важным проанализировать практики регулирования времени в партии, чтобы понять, могло ли время выступать в качестве ресурса в политических разногласиях 1920-х гг. Под «практикой» я понимаю действия, совершение которых, с одной стороны, дает возможность членам партии выражать свои взгляды, а с другой — является способом регулирования всей партийной структуры. Практика служит своего рода скрепляющим партию элементом, поскольку все большевики, несмотря на различия в политических позициях, прибегают к одним и тем же действиям. Подобный подход отсылает к идее Л. Альтюссера о том, что идеология всегда реализует себя в конкретных практических действиях [Althusser 2014: 232–273]. Основываясь на таком подходе, я полагаю, что для понимания дебатов 1920-х гг. важно не только проанализировать их содержание, что уже во многом проделано в предшествующих исследованиях по данной проблематике, но и обратиться к ситуации, в которой эти дебаты проходят. Основной базовый элемент в структуре партии большевиков — это собрание. В пространстве собрания и происходят дебаты по различным вопросам. Изучение организации партийного собрания предполагает обращение ко времени в его рамках, поскольку «бюджет времени» собрания и распределение внутри этого бюджета оказываются важным фактором при разрешении политических задач дискуссии. Время партийного собрания приобретает свою «партийность» в том смысле, что оно может использоваться в качестве инструмента организации партийной дискуссии. Другие общественные организации, вроде комсомола и профсоюзов, могут обладать собственным хронометражем, и дискуссии внутри них могут протекать иначе. Главенствующая политическая позиция в советском обществе, занятая к концу Гражданской войны партией большевиков, делает ее основной ареной политических противоречий, а потому своего рода «политизация» времени будет происходить прежде всего в рамках этой структуры.

Анализ взаимовлияния времени и практик можно провести в трех аспектах: контроль над использованием времени членами партии, практика дискуссии на собраниях, репрезентации дискуссии через различные описания времени в ее рамках. Для каждого из аспектов будет привлекаться свой тип источников. Мною был выбран кейс Ленинградской (до 1924 г. — Петроградской) партийной организации. Такая фокусировка дает возможность изучать повседневные политические практики и контроль времени на микроуровне. Источники, используемые в статье, позволяют говорить о разных способах контроля: в отношении конкретного члена партии, в рамках собрания и на уровне репрезентации собрания через время.

Первая группа источников тесно связана с изучением бюджетов времени, которое проводилось в Советской России в 1920-е гг. и было частью более широких планов по рационализации труда [Beissinger 1988]. Бюджеты времени использовались для анализа расхода времени среди самых разных общественных групп: рабочих и крестьян, студентов и комсомольцев, членов профсоюзов и партийцев. Учет времени, по мысли некоторых партийных публицистов, должен был стать повседневной практикой строителей социализма [Керженцев 1925: 14–16]. О контроле над временем членов партии можно судить по такому источнику, как «Анкета по обследованию степени загруженности работой различных категорий партийцев и комсомола» (фонд Ленинградской губернской контрольной комиссии [ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 266. Л. 40–48об]). Данная подборка анкет касалась рабочих фабрики «Красный Путиловец», состоявших в РКП(б).

Анкета включала несколько блоков: «А. Работа по основной должности», «Б. Работа по совместительству», «В. Работа в комиссиях, на совещаниях и в различных организациях», «Г. Партийная работа» и «Общие вопросы». Стоит заметить, что лишь графа «Г» формально отсылает к «партийной» занятости, однако в разделах «Б» и «В» речь идет в том числе и о партийных обязанностях, таких как членство в различных комитетах и комиссиях.

Первое, о чем спрашивали анкетлируемого коммуниста, была его основная занятость: сколько часов в день он работает, есть ли у него перерыв на обед и какой продолжительности. Как правило, ответы на эти вопросы были единообразны: рабочий день на заводе длился восемь часов с получасовым обедом. Далее следовали две таблицы: «работа по совместительству», видимо, подразумевавшая работу на других предприятиях, и «работа в комиссиях», т.е. участие партийцев в различных непартийных видах деятельности, вроде комиссий по борьбе

с хулиганством [ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 266. Л. 40], культурного шефства [Там же. Л. 41] и пр. Графа о партийной занятости отражала посещение различных партийных собраний, заседаний, главным здесь было определение затраченного времени.

Последний раздел анкеты назывался «общие вопросы» и охватывал практически все сферы жизни рабочего-партийца, начиная с того, работает ли он по воскресным дням и как долго, и заканчивая тем, занимается ли он научной работой. В большинстве анкет с «Красного Путиловца» заполнены графы, отражавшие время, затрачиваемое на работу, однако часть коммунистов ответила и на вопросы, посвященные их культурному досугу. Некоторые писали, сколько времени у них уходит на чтение книг, кто-то — на самообразование, посещение клубов. Последний вопрос анкеты касался нежелательных обязанностей, от которых член партии хотел бы освободиться, но лишь в одной анкете содержалась подобная просьба [ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 266. Л. 45об].

П.М. Керженцев в работе «Борьба за время» с гордостью писал о том, что деятельностью «Лиги Время» сразу заинтересовалась Рабоче-крестьянская инспекция, главный советский контрольный орган [Керженцев 1924: 43–45]. С 1923 г. РКИ была объединена с партийным контрольным органом, Центральной контрольной комиссией, в единую структуру. Вероятно, начатое РКИ изучение бюджетов рабочего времени было перенесено также и на членов партии.

Что это говорит об отношении большевиков ко времени и к рядовым членам партии? Нужно заметить, что первоначально целью создания партийных контрольных комиссий было наблюдение за моральным обликом партийцев [Положение 1921: 57]. К 1925 г. к этому добавилось изучение их социального положения, контроля над их рабочим временем и продолжительностью досуга. Время воспринималось как важный ресурс в производстве, который требовал контроля. Однако в данном случае речь шла не только об управлении временем на производстве. Рабочие-коммунисты должны были активно участвовать в кампании по повышению производительности труда. Более того, по утверждению Д. Хатча, «ленинский призыв» 1924 г. имел целью усиление контроля партии на уровне цеховых ячеек [Hatch 1989: 558–577]. Это косвенно подтверждается и тем, что анкеты были частью документального комплекса под названием «Доклад и сводки и другие материалы по обследованию деятельности и участия коммунистов в поднятии производительности труда». В самом докладе говорилось, что при увеличении норм выработки на «Красном Путиловце» возник

конфликт из-за расценок в ряде мастерских, среди которых была чугунно-литейная. Судя по анкетам, большинство опрошенных работали именно в этой мастерской. Видимо, экономическое недовольство, выраженное в том числе коммунистами (хотя в «Докладе» утверждалось, что «лишь небольшая часть» из них поддержала настроение остальных рабочих [ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 266. Л. 8]), стало стимулом к проведению своего рода микросоциологического исследования в рамках партийной ячейки мастерской. Можно говорить о стремлении партии контролировать рабочих-коммунистов не только через присвоение их времени, но и через его рационализацию. Об этом свидетельствует последняя графа анкеты, содержащая вопрос о том, считает ли коммунист возможным снять с себя какие-то обязанности. Перед членами Губернской контрольной комиссии стояла задача не только выяснить структуру времени партийца, но и предложить ему разделить управление временем посредством снижения загруженности.

Дискурс о загруженности коммунистов работой был довольно распространен, вплоть до публичных выступлений членов партии. Делегат партийной конференции Выборгского района Кузнецов в ноябре 1925 г. в своей речи заявил:

Очень и очень эта загрузка отзывается на партийцах и главным образом на мало[-]малышки активных. Этот вопрос сильно отражается на втягивании более или менее развитых беспартийных рабочих в партию. Когда говоришь развитому, грамотному беспартийному рабочему[.] почему он не вступает в партию, то некоторые товарищи говорят — загружая так, что некогда дохнуть будет. Это первое. Во[-]вторых[.] эта загрузка очень отражается на здоровье многих товарищей. У нас более или менее выдвинувшиеся товарищи из актива не редко имеют до 4–5 обязанностей. Эту ненормальность ни в каком случае нельзя оставлять. На эту сторону Районному Комитету в будущем надо обратить больше внимания. Еще я скажу о загрузке наших партийцев, которые учатся в тех или иных вечерних заведениях. На эту сторону районному комитету тоже придется обратить больше внимания. Задача нашей партии дать возможность своим партийным, которые прошли порядочный стаж на производстве, дать подучиться, чтобы у нас были технически грамотные товарищи. Но когда приходишь в коллектив и просишь: «я учусь, освободите меня от партийной работы». — «Хорошо, что ты учишься, это дело хорошее, но насчет освобождения ты[.] парень[.] не моги говорить». И вот, когда учеба, да плюс несколько нагрузочек, тогда походишь недельки две-три и такая катавасия начинается, что бросишь курсы, а потом еще что[-]нибудь. В этом отношении я бы предложил, чтобы районный комитет и бюро коллективов партии обратили на это

внимание и освободили от работы всех товарищей, которые заняты на вечерних курсах [ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146. Л. 52–53].

Кузнецов обращается сразу к нескольким аспектам загрузки: она отпугивает потенциальных членов партии, вредит здоровью тех, кто в ней состоит, и препятствует получению ими образования. В отношении собственной загруженности Кузнецов апеллирует к проблеме совмещения учебы и партийной занятости, причем образование для него, возможно, является большей ценностью, чем партийная нагрузка, которую он требует с него снять. Нехватка времени, вызываемая партийной нагрузкой, в итоге приводит к тому, что большевик не может ни выполнить партийное поручение, ни получить необходимое образование. Партийная конференция предоставляет Кузнецову возможность призвать партийных руководителей пересмотреть регулирование времени членов партии, сделав приоритетной задачей получение образования. Мне представляется, что здесь, как и в анкетировании, можно наблюдать вид внутрипартийной коммуникации: партийные органы путем опроса изучают распределение времени, партийная конференция используется как «трибуна» для передачи «сигналов» со стороны рядовых членов партии.

Регулирование и контроль времени осуществлялись не только со стороны партийных органов по отношению к отдельным членам партии. В рамках партийных дискуссий также практиковалось управление временем, но здесь эта функция становилась скорее прерогативой всего партийного собрания, на котором происходили дебаты. Чтобы понять, как использовалось время в рамках партийных собраний, нужно проанализировать их документацию — протоколы и стенограммы. Историки обратили внимание на значимость стенограммы для изучения советского общества не так давно, и прежде всего исследования политической сферы коснулись высшего партийного органа — Политбюро [Gregory, Naimark 2008]. Как правило, внимание исследователей приковано к содержанию этих документов, но почти не изучаются особенности их составления или их структурные компоненты.

Стенограммы показывают, что на примере партийных конференций нельзя говорить о единообразной и безотказно работающей системе управления временем. Регламентация работы конференции могла быть весьма детальной. Например, стенограмма партийной конференции в Василеостровском районе содержит подробное обсуждение регламента заседаний, вплоть до установления пятиминутных перекуров [ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 124. Л. 2–3], однако в ней не отмечена продолжитель-

ность докладов. В стенограмме другой партийной конференции, в Московско-Нарвском районе, наоборот, был приведен регламент выступлений, и что интересно, докладчику от губернского комитета партии Г.Е. Евдокимову делегаты конференции решили не ограничивать время выступления [ЦГАИПД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Л. 2об]. Бюро райкома в Кронштадте на заседании 17 ноября 1925 г. подробно прописало весь ход работы XIII районной партийной конференции. В плане регулирования времени на конференции бюро установило продолжительность всех докладов: для отчета губкома отводилось полтора часа, на другие выступления по часу. Однако в протоколе указывалось, что доклады уполномоченного губернской контрольной комиссии и представителя ревизионной комиссии должны быть значительно короче: первый — сорок, второй — двадцать минут. Наметило бюро и общую продолжительность конференции — с 10 до 21 часа, с двухчасовым перерывом с 14 до 16 часов. В начале конференции в этот регламент были внесены изменения: общая продолжительность заседаний сокращена на час (с 10 до 20 часов), доклад губкома сокращен на 15 минут (т.е. до 1 часа 15 минут) [ЦГАИПД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 119. Л. 2, 42].

Помимо изменений при утверждении регламента, во время работы конференций происходили отступления от него. Так, на XXII губернской партийной конференции Ленинградской организации в ноябре 1925 г. при обсуждении вопроса о работе комсомола прямо посреди доклада представителя ЦК РКП(б) Е.М. Ярославского был объявлен пятиминутный перерыв, после которого заседание сменило свой формат — стало закрытым, т.е. в дальнейшей работе конференции могли принимать участие только ее делегаты [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 71. Л. 119]. В этом случае регулирование времени заседания потребовалось для того, чтобы ограничить доступ к информации. После перерыва президиум конференции огласил заявление, осуждавшее Ярославского за «несогласованное» оглашение внутривластных документов, которые могли попасть в печать [Там же. Л. 120]. Таким образом, временной разрыв в регламенте конференции стал политическим орудием, позволившем выразить позицию руководства губернской партийной организации.

Другой формой регулирования времени становилось указание на большую продолжительность дискусионных собраний в партийной прессе. Зачастую авторы газетных репортажей не излагали беспристрастно ход того или иного собрания, а прибегали к метафорическому языку, используя риторические приемы, позволявшие охарактеризовать дискуссии и дискусионные собрания как соответствующие образу правильных дебатов. Описание хронометража становилось одним из

доводов в пользу состоятельности того или иного дискуссионного мероприятия. Петроградские газеты во время дебатов о роли профсоюзов в 1921 г. активно прибегали к подобным приемам.

Первое городское собрание, посвященное дискуссии о профсоюзах, состоялось 3 января 1921 г. во Дворце Труда. Автор репортажа в издании местной партийной организации, «Петроградской правде», так описывал обстановку этого собрания:

Митинговый зал был полон. Можно смело сказать, что ни один активный работник питерской организации не отсутствовал на этом собрании. Собрание было настолько заинтересовано вопросом, что выслушало почти всех записавшихся ораторов. С 8-ми часов вечера и до 2-х часов ночи — 6 часов собрание с неослабным напряжением вдумывалось, разбирало и решало этот поистине исторический спор, ибо от его решения, действительно, зависит тот путь, по которому пойдет история нашей революции. Дискуссия была очень оживленной и моментами страстной. Обе точки зрения, которые были представлены на собрании в речах Зиновьева и Бухарина, вызвали чрезвычайно живой обмен мнений, но уже с самого начала заседания стало ясно, что точка зрения т. Зиновьева победит (Петроградская правда. 1921, 5 янв.).

Репортаж об этом собрании интересен как в плане образов собрания в целом, так и в смысле обращения с образом времени. Прежде всего, журналист упирает на репрезентативность собрания: место проведения его было заполнено, «ни один активный работник не отсутствовал», хотя конкретное число участников в заметке не приводится. Далее собрание приобретает характер действующего лица — оно само (а не участники) было «заинтересовано вопросом», «вдумывалось, разбирало и решало». Аналогично не сами выступления Зиновьева и Бухарина вызвали полемику, но представленные в них «точки зрения». Дискуссия на собрании описана как эмоционально окрашенная, что также придает ей черты самостоятельного субъекта. Указание на время в этом репортаже служит дополнительным аргументом в пользу репрезентативности собрания, которое не только длилось шесть часов, но при этом не лишалось содержательности, ведь в течение всего времени дискуссионные вопросы разбирались с «неослабным напряжением». Другое важное временное указание заключено во фразе «с самого начала заседания стало ясно», которая свидетельствует, что еще до голосования большинство членов партии поддерживало позицию Г.Е. Зиновьева. Поскольку описанное в репортаже мероприятие было первым дискуссионным собранием, вслед за которым предстояло провести подобные в других районах

города, можно полагать, что оно должно было служить для них ориентиром. Время было одной из составляющих этого собрания как модели для других.

Порой конкретное время проведения собрания могло заменяться в репортажах образными характеристиками. В некоторых случаях указывалось, что само собрание было посвящено исключительно обсуждению роли профсоюзов: «15 января при Политотделе берегового укрепленного района под председательством тов. Свердвена состоялось делегатское собрание морского района, посвященное обсуждению вопроса о значении и роли профессиональных союзов» (Петроградская правда. 1921, 18 янв.). Или же другой пример: «Последнее общее собрание членов РКП и кандидатов Петроградского района было всецело посвящено выдвинутому в первую очередь вопросу о задачах Профессиональных Союзов и роли их в организации промышленности» (Петроградская правда. 1921, 18 янв.). Во второй цитате слово «всецело» подчеркивает дискуссионный характер собрания, но не в первом, ни во втором примере не упомянута продолжительность собраний. Вместо указания на продолжительность дискуссии могли использоваться обороты вроде «после довольно обширных прений» или «после продолжительных прений» (Красная газета. 1921, 13 янв.).

В других отчетах о собраниях время вплеталось в общую канву рассказа об организованности и слаженности дискуссионных заседаний. Собрание моряков-коммунистов 19 января 1921 г. описано в «Петроградской правде» следующим образом: «Собрание моряков прошло изумительно организованно и единодушно», «Моряки-коммунисты <...> совершенно твердо и сознательно голосовали за приведенную резолюцию». В контексте эмоционального описания продолжительность дискуссии еще раз подчеркивала общую «сознательность» собравшихся: «После четырех с половиною часов дискуссии произведено было голосование. За приведенную резолюцию поднялся буквально лес рук. За предложение присоединиться к тезисам тов. Троцкого голосовало самое большее 40 человек. Таким образом, 99 % коммунистов-моряков поддерживали платформу товарищей Ленина и Зиновьева» (Петроградская правда. 1921, 21 янв.). При этом в стенограмме собрания отмечено, что Л.Д. Троцкий, будучи содокладчиком, опоздал на целый час, поскольку, по словам Г.Е. Зиновьева, «он был неверно информирован» о времени начала собрания [ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 65. Л. 95]. Кто нес ответственность за информирование Троцкого и чем занимались собравшиеся до его появления, не говорилось. Включать ли этот час в указанные в газетном отчете «четыре с половиной часа» дискуссии или все собрание

в итоге длилось пять с половиной часов? Более того, ни в стенограмме, ни в заметке «Петроградской правды» мы не находим информации о времени начала собрания. Об этом можно узнать только из объявления, опубликованного в «Красной газете», издании Петроградского совета, от 18 января. Согласно объявлению, собрание должно было начаться в два часа дня, а если Троцкий опоздал, то дискуссия стартовала лишь в три. При этом в Петрограде в этот день проходили два дискуссионных собрания, второе начиналось в шесть часов вечера в Таврическом дворце. Либо дискуссия среди моряков стартовала без Троцкого и он присоединился позднее, либо все собрание длилось не более трех часов. Так или иначе, описание продолжительности собрания «четыре с половиной часа» вряд ли является точным измерением хронометража. Возможно, это указание на длительность было использовано, чтобы придать собранию легитимность, как в случае описания первого дискуссионного собрания 3 января.

Практики обращения со временем включали не только его образные описания в газетных репортажах. В 1920-е гг. был весьма популярен дискурс о времени как ценном ресурсе. Уже упомянутый ранее П.М. Керженцев предлагал даже пересчитывать время опоздания в материальные ценности [Керженцев 1924: 3–11]. Обвинение в бесполезной трате времени могло трактоваться как политическая претензия. Арон Сольц, член Центральной контрольной комиссии, в ходе борьбы между так называемой «Ленинградской оппозицией» и представителями ЦК обвинил местное партийное руководство, губернский комитет и контрольную комиссию в том, что они пытаются сохранить власть после поражения в дискуссии — «пусть еще хоть одну неделю просуществует Губ. КК в этом составе» [ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 302. Л. 71]. Для Сольца оппозиция не только нарушала партийные правила, но и тратила время:

Неделю тому назад мы разбирали одно дело, и они до сих пор не удосужились выработать резолюцию по этому делу. Мы сидели специально и ждали, какое они примут решение по такому-то вопросу, а они целую неделю не могут решить вопрос. И это в такое время, когда каждый день считается за месяц, а они чешутся целую неделю и говорят: «Мы еще формулировки не выдумали». Я сказал тов. Бакаеву, что рассматриваю это как некоторый элемент саботажа. Если им нужна целая неделя для того, чтобы выработать формулировку по каждому делу, то, значит, они не в состоянии работать [ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 302. Л. 82].

Центральным пунктом представлений Сольца была политизация времени. Для него «элементы саботажа» со стороны оппо-

зиции заключались не только в пустой трате времени, но и в том, что его оппоненты не могут понять значимость настоящего момента, не чувствуют, что «каждый день считается за месяц». Для Сольца время шло не так, как показывали часы на стене, оно ускорялось, и проблема оппозиции была в том, что она не поспевала за этой скоростью.

В других ситуациях могло осуждаться манипулирование временем. Так, А.Е. Бадаев, выступая на XXII конференции Ленинградской организации, заметил, что Е.М. Ярославский приберег вопрос о комсомоле и неверной позиции ленинградских комсомольцев на самый конец конференции, лишив участников возможности его обдумать [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 72. Л. 58]. Бадаев в своей реплике упирал на то, что конференция работала «с подъемом», который Ярославский попытался сбить, подняв этот вопрос в «последние полчаса» заседания: «[И] вы, и т. Бакаев правильно отвечали, что по 6–7[,] 8 часов нельзя людей держать в передней и допрашивать. Не держите же вы 7 дней всю конференцию» [Там же. Л. 62]. Заключительную часть собрания не следовало, согласно Бадаеву, тратить на обсуждение вопросов, по которым уже есть резолюция Политбюро. Она должна была стать наиболее эмоционально окрашенным временем: «Сейчас надо сказать, что конференция, поскольку она провела с колоссальным подъемом дружную работу, в свои последние четверть часа должна еще крепче себя закалить, закалить свое единство, закалить силу воли пролетарской ленинградской организации» [Там же. Л. 62]. Ощущение, что Ярославский поступил неправильно, выступив с заявлениями про комсомол под конец работы конференции, выражалось и в словах делегатки Виноградовой: «[В]друг вчера, можно сказать, к концу нашей конференции, т. Ярославский поднял выражаясь по[-]русски, по[-]рабочему, бузу» [Там же. Л. 135].

Что представленный материал позволяет сказать о регулировании времени внутри большевистской партии? Партия пыталась контролировать время рядовых членов, о чем свидетельствуют приведенные анкеты и выступление Кузнецова на районной конференции. Партийные бюрократы стремились регламентировать работу конференций, определяя время докладов и прений и общую продолжительность заседаний. Правильный образ дискуссии создавался путем специфической репрезентации времени на страницах партийной прессы. Тем не менее в рамках политики большевиков в 1920-е гг. время вряд ли приобрело характер одной из дисциплинарных практик, если использовать термин М. Фуко. Коммунисты успешно играли со временем: они могли потребовать снять с них лишнюю «загрузку» в публичном выступлении или обращаясь

в партийные инстанции посредством анкет, которые этими инстанциями инициировались. Время докладов в рамках конференции также подвергалось корректировке, а пятиминутный перерыв мог быть использован, чтобы перевести заседание в закрытый формат и тем предотвратить нежелательное распространение информации. Подобные процессы показывают существование неравенства внутри партии, различное распределение власти. В то же время партия не могла всецело контролировать время и его организацию, ни на практике, ни на уровне дискурса. Несмотря на усилия одержимых рационализацией и тейлоризмом идеологов, на партийных конференциях время уходило на многочисленные приветствия — в адрес вождей, других конференций и т.п. — и, конечно, на перекуры. Большевик с его склонностью к модерному отношению ко времени как к ресурсу и стремлением к овладению временем не как ресурсом, а как благом не смог в 1920-е гг. решить это противоречие.

Архивные материалы

- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 71. XXII Ленинградская губернская партийная конференция. Стенограмма вечернего заседания 7 декабря 1925 г.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 72. XXII Ленинградская губернская партийная конференция. Стенограмма утреннего и вечернего заседаний 8 декабря 1925 г.
- ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146. Стенограмма заседаний 8 районной партийной конференции Выборгского района. Утреннее заседание 22 ноября 1925 г.
- ЦГАИПД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 62. Стенографический отчет 6 районной партийной конференции Московско-Нарвского района. 15–18 ноября 1925 г.
- ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 124. Стенографический отчет 9 районной партийной конференции Василеостровского района. Ноябрь 1925 г.
- ЦГАИПД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 119. Отчеты о работе 13-й Кронштадтской районной партконференции и 14-й чрезвычайной районной партконференции. Выписки из протоколов бюро Кронрайкома по вопросам районной партконференции. Ноябрь 1925 — февраль 1926 г.
- ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 65. Стенограмма собрания моряков-коммунистов 19 января 1921 г.
- ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 266. Доклад и сводки и другие материалы по обследованию деятельности и участия коммунистов в поднятии производительности труда. 1925 г.
- ЦГАИПД. Ф. 563. Оп. 1. Д. 302. Протокол пленума Губернской контрольной комиссии (стенограмма). 1926 г.

Источники

- Керженцев П.М.* Борьба за время. М.: Красная новь, 1924. 55 с.
- Керженцев П.М.* Организуй самого себя. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1925. 96 с.
- Положение о контрольных комиссиях // Справочник партийного работника. М.: Гос. изд-во, 1921. Вып. 1. С. 57.
- Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг.: Статистико-экономический очерк. М.; Л.: Вопросы труда, 1924. 155 с.

Библиография

- Артемов В.А., Новохацкая О.В.* Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920–1930-е гг.) // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 92–104.
- Рошков А.Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2014. 630 с.
- Althusser L.* On Ideology and Ideological State Apparatuses // *Althusser L. On the Reproduction of Capitalism.* L.; N.Y.: Verso, 2014. P. 232–273.
- Beissinger M.R.* Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power. Harvard: Harvard University Press, 1988. 363 p.
- Gay H.* Clock Synchrony, Time Distribution and Electrical Timekeeping in Britain 1880–1925 // *Past and Present.* 2003. No. 181. P. 107–140.
- Gregory P.R., Naimark N.* (eds.). *The Lost Politburo Transcripts: From Collective Rule to Stalinist Dictatorship.* New Haven, CT: Yale University Press, 2008. 288 p.
- Halfin I.* Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. 485 p.
- Harrison M.* The Ordering of the Urban Environment: Time, Work and the Occurrence of Crowds, 1790–1835 // *Past and Present.* 1986. No. 110. P. 134–168.
- Hatch J.B.* The “Lenin Levy” and the Social Origins of Stalinism: Workers and the Communist Party in Moscow, 1921–1928 // *Slavic Review.* 1989. Vol. 48. No. 4. P. 558–577.
- Rotenberg R.* The Power to Time and the Time to Power // *Rutz H.J. (ed.). The Politics of Time.* Washington, DC: American Anthropological Association, 1992. P. 18–36. (American Ethnological Society Monograph. Vol. 4).
- Rutz H.J.* (ed.). *The Politics of Time.* Washington, DC: American Anthropological Association, 1992. 200 p. (American Ethnological Society Monograph. Vol. 4).
- Smith M.M.* Time, Slavery and Plantation Capitalism in the Ante-Bellum American South // *Past and Present.* 1996. No. 150. P. 142–168.
- Smith T.C.* Peasant Time and Factory Time in Japan // *Past and Present.* 1986. No. 111. P. 165–197.

- Thompson E.P.* Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism // Past and Present. 1967. No. 38. P. 56–97.
- Verderi K.* What Was Socialism, and What Comes Next? Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. 312 p.
- Williams R.* The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1995. Bd. 43. Hf. 3. S. 364–401.
- Zuzanek J.* Work and Leisure in the Soviet Union: A Time-Budget Analysis. N.Y.: Praeger Publishers, 1980. 430 p.

The Bolshevik Party Meeting and the Regulation of Time in Its Structure: Evidence from the Leningrad RCP(b) Organisation

Timofey Rakov

Independent researcher
St Petersburg, Russia
timofey.rakov@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the role of time regulation in the Bolshevik party in the 1920s. It is suggested that — along with the regulation of time during the campaign to rationalize labor — the Bolsheviks should have transferred such measures to their own party. Time control in the party is analyzed in three aspects: the “time budget” of an ordinary party member, time within party meetings and its influence on internal party discussions, and the representation of party debates over time. The regulation of time within the framework of discussions is treated as a political practice of the Bolsheviks, i.e. as certain actions that have their goal in the incarnation of a certain ideology. Such an approach, pointing to Louis Althusser’s thoughts on the correlation of practices and ideologies, suggests considering the practice at the level of the local party organization; the Leningrad branch, in this case. The main sources used in the article are the protocols and transcripts of the party meetings and conferences, the protocols of the Leningrad Provincial Control Commission, questionnaires on the survey of assignments of the party members, as well as newspaper publications on discussion meetings. The analysis conducted in the article makes it possible to suggest that the regulation of time during the political processes of the 1920s was a significant problem for party leaders. The party leaders struggled to completely control the time of the

party members and its organization within party meetings and conferences — at least until the middle of the decade in question.

Keywords: time, practices, Bolshevism, party meeting, discussions, Leningrad.

References

- Althusser L., 'On Ideology and Ideological State Apparatuses', Althusser L., *On the Reproduction of Capitalism*. London; New York: Verso, 2014, pp. 232–273.
- Artemov V. A., Novokhatskaya O. V., 'Empiricheskie issledovaniya zatrat vremeni v SSSR (1920–1930-e gg.)' [Empirical Research of Time Expenditure in the USSR (1920s–1930s)], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2008, no. 4, pp. 92–104. (In Russian).
- Beissinger M. R., *Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power*. Harvard: Harvard University Press, 1988, 363 pp.
- Gay H., 'Clock Synchrony, Time Distribution and Electrical Timekeeping in Britain 1880–1925', *Past and Present*, 2003, no. 181, pp. 107–140.
- Gregory P. R., Naimark N. (eds.), *The Lost Politburo Transcripts: From Collective Rule to Stalinist Dictatorship*. New Haven, CT: Yale University Press, 2008, 288 pp.
- Halfin I., *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009, 485 pp.
- Harrison M., 'The Ordering of the Urban Environment: Time, Work and the Occurrence of Crowds, 1790–1835', *Past and Present*, 1986, no. 110, pp. 134–168.
- Hatch J. B., 'The "Lenin Levy" and the Social Origins of Stalinism: Workers and the Communist Party in Moscow, 1921–1928', *Slavic Review*, 1989, vol. 48, no. 4, pp. 558–577.
- Rotenberg R., 'The Power to Time and the Time to Power', Rutz H. J. (ed.), *The Politics of Time*. Washington, DC: American Anthropological Association, 1992, pp. 18–36. (American Ethnological Society Monograph, vol. 4).
- Rozhkov A. Yu., *V krugu sverstnikov: zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In a Circle of Counterparts: The Life World of Young Men in 1920s Soviet Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 630 pp. (In Russian).
- Rutz H. J. (ed.), *The Politics of Time*. Washington, DC: American Anthropological Association, 1992, 200 pp. (American Ethnological Society Monograph, vol. 4).
- Smith M. M., 'Time, Slavery and Plantation Capitalism in the Ante-Bellum American South', *Past and Present*, 1996, no. 150, pp. 142–168.
- Smith T. C., 'Peasant Time and Factory Time in Japan', *Past and Present*, 1986, no. 111, pp. 165–197.
- Thompson E. P., 'Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism', *Past and Present*, 1967, no. 38, pp. 56–97.

- Verderi K., *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996, 312 pp.
- Williams R., 'The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge, 1995, Bd. 43, Hf. 3, SS. 364–401.
- Zuzanek J., *Work and Leisure in the Soviet Union: A Time-Budget Analysis*. New York: Praeger Publishers, 1980, 430 pp.